

Бродяга

Человека, влюбленного в землю, в планету Земля,
Бредущего по ней босиком в сентябре, десятого сентября,
Я догнал у метро и узнал, что его зовут Эрик
И что он французский поэт, когда он немного ко мне привык.

Я немедленно сфотографировался с ним на сотовый
телефон,
Босы ноги в пыли, обликом Иешуа Га-Ноцри был он.
Так вот, оказывается, как гуляли боги по земле планеты
Земля.
Отказавшись поест, сказал, что заночует в кустах возле
Кремля.

Классификация по Борхесу

Как ты хороша,
Катишь свои желтые волны по мне,
Ли Тай-бо мог бы мною гордиться –
Лирикой переполнен десяти золотых веков...
Женщины бывают:
Принадлежащие Императору;
Набальзамированные;
Захваченные в плен за Великой стеной;
Девочкой;
Русалкой;
Цветочной феей;
Старухой с сумой;
Включенной в эту классификацию;
Вопящей как сумасшедшая;
Нарисованной тончайшей кистью из верблюжьей шерсти;
Прочей;
Разбившей цветочную вазу;
Похожей издали на муху;
Китайкой до самого утра...

Утро навсегда

Влюбленный в Землю,
Велю себе восходы и закаты,
Люблю себе могучие рассветы велеть оленьим ревом.
Любо мне, любо губы лютневой музыки цикад целовать,
Лепо, мне лепо песни старинные славян моих листьев петь,
Сладких-пресладких утренних рос хороводы водить,
Славу оратаям своим, шмелям сердцестана рокотать...

Вечности нежной когда-то с утра
Весь я тобою, одною тобою рекою нежен,
Утро исповедимой красоты – это ты –
Мудро... Праджняпарамиты – твои ланиты,
Могучие восходы и закаты,
Певучая легким ветерком с утра ты,
Лада, моя лада, снежных песен моих,
Ласточка-подружка нежных весен моих,
Ими, хмельными,
Имя твое пить – быть навсегда или не быть...

Гуннское городище близ Улан-Удэ

И всходил древний хунн, сын косматого синего неба,
Иволгинскую степью на былинную гору свою,
Сквозь забрало прищуренных век богатырским
окидывал взором,
Сколько лун до Срединной – совершить свой набег.

С одобреньем смотрел, как до самого края долины
Одарила обильно скотом забайкальских народов земля,
Вся в горах и озерах, вся в лесах и сибирских морозах,
Вся красавица-пленница, добытая в честном бою.

Не молился, а просто беседовал с космосом-братом,
Не божился со страху, а демонам повелевал,
Потому что от плоти небесного синего волка,
Потому что от млека древнее богов.

И звериным чутьем он угадывал вещице дали,
И, колдуя свободу от вечного рабства земли,
Пол задумчивой Азии в рог он скрутил воедино бараний,
Пол-Европы в свободу огнем и мечом обратил.

И всходил он на гору свою, городища заставу,
И запряг в караваны походных кибиток зарю,
Там, где прячут в шелках Поднебесной принцессу,
Там, где топчут небесные всадники рис.

На восток, на восток, ядовитое брюхо дракона
Насадить на восход, на копье, наконечник поющей стрелы,
И неистой конницей в новой заре навсегда раствориться,
И в миры обратиться, звериного стиля миры...

Шаман

Шаман бледнокожий, похожий на редьку,
Шаром земным он пользуется, как бубном,
Простой кулинар-итальянец в прошлом,
Трусцой вокруг жертвенного огня он скачет.

Он просит у своих итальянских предков
Подбросить бурятским сироткам немного счастья,
Он требует у забайкальских духов по разным болячкам,
В костре их сжигая, прекратить свои козни.

В Бурятии он будто родился и вырос,
Бурляндии разных талантов, поэтов и прочих,
Сам-то он в прошлом простой кулинар-итальянец,
Самый простой макаронник, рубаха-парень.

И после Зевса, и после Иисуса,
И Рима возле – душа по-прежнему просит веры,
Пушкой вместо галилеянина – бездн горенье,
Листай вместе с нами новое небо.

Шаманы мстительны и опасны,
Дурманы прячут в своих карманах,
Шаманы трогательны и прекрасны,
Мечтой осияны они, как дети.

С Землей-планетой он вертится, словно с бубном,
С игрой на гитаре, мольбой о сиротках,
Еще он, камлая, из Библии что-то бормочет,
Душою в небо жаворонками разлетаясь...

Самовар

Как бежала Агафьюшка по траве да по камушкам,
Кабы знала, куда убегать, утекать,
Шибче хитрой лисы, гибче матушки-реченьки
Шла-бежала она, а в руках самовар.

А лежал ее путь через сопки таежные,
А бежала Агафьюшка от советских властей,
А проворною мышкою с самоваром под мышкою,
От людей хоронясь, во родной Куналей.

Пой, синица-заступница, о беглянке-преступнице,
Гой еси о восстании мужиков-кулаков,
Как в глухие тридцатые старoverы брадатые
Казнь Господню устроили активистам-чертям.

А за это им было: кому пуля в кулацкое рыло,
А кому – по этапу за Яблоновый хребет,
Из Петров-Забайкальского жинка сбегла кулацкая,
Жизнь беречь бесперечь – сберегла самовар...

Самовар, тульский пар, самоварище!
Сам поет, жар дает потрясающе.
Вот стоит он, пузатый, сияет,
Человеческий род продолжает...

Вот сидим мы с Берутою Крейслинг
Во селе Куналее том самом.
«Эх, да что не пыль, – поем, – в полюшке запылялася...»
Эмигрантская дочь улыбается...

В Индию духа купить билет

Фрагмент поэмы

IV

Поодаль железного столба, отлитого кем-то,
Почему-то не ржавеющего с начала времен,
Площадка – фундамент для минарета (конец XII века),
Простые индийцы –

Индусы, мусульмане и сикхи, джайнисты и христиане,
И дети, и голуби, и солнце, и низко летящие самолеты

Под крики попугаев,
Цветы гурмухор, обезьяны и бурундуки...

Приснилось мне утро влюбленных друг в друга людей,
Чья вера в любовь никогда не сдается,
И люди от этого только еще молодежи,
И небо синее, и солнечней солнце.

Приснилось мне утро бездонных, как небо, людей,
Где каждый тобой до того бесконечен,
И бесконечнее мужество этих мужей,
И целомудренней женственность женщин,

И радостней радость смеющихся этих детей,
Крутящих шарами планет разноцветных,
И счастье огромней, и горе еще сиротей,
Приснилось мне утро бессмертных...

И я в это утро с тобою, родная, иду
Туда, где рождается мир удивленно,
В огромное утро, которое радостно жду,
Которое мной и тобою бездонно.